

Россия. — 2003. — 24 июня — Англичане нас совсем запутали

С.20

22 июня. Третий день гастролей в Москве Королевского балета Великобритании под президентством Чарльза Уэльского. Большой театр работает в нервном графике. И есть от чего бегать и нервничать: сначала «Лебединое озеро» идет в два часа дня, потом почти сразу оно же — в семь часов вечера. Сложнейший спектакль с четырьмя переменами декораций в двух антрактах. При входе длиннее, чем обычно, очередь к администратору. Представители охраны досматривают каждый предмет, заставляя выворачивать карманы...

— А это что за штука?

Среди прочего я вынул из куртки короткий велосипедный насос, очень смутивший охранников. Прямо оживились, пав на след.

— Насос. Что — никогда не видели?

— А ну покажи, как работает.

При входе в буфет — снова очередь. На этот раз к банкомату. В самом буфете людно, но люд ограничивает свои потребности кофеем, мало кто соблазняется на шампанское Moet за \$100 бокал.

Много немцев в зале. С ошалелым восторгом тыкают пальцем в люстру, в золотые балконы и представительскую ложу. Много детей. Девочки из хореографических училищ. Умеют выворачивать ноги на жуткие градусы.

Сели, увертюра. Думаю, смотреть балет можно с верой в то, что все танцоры — ангелы. Я в это верю. И все, что творится отныне, не имеет никакого отношения к буфету, охране или вечно странной московской погоде.

«Лебединое озеро», поставленное черт знает когда Мариусом Петипа и Львом Ивановым, — совсем не увеселительная терапия, способная развлечь и приукрасить. Кому-то станет неуютно, неприятно, что ж, нормальная реакция за возможность подсмотреть смирение и чистоту.

Но англичане знают толк в уюте. На сцене уютно, художь... Йоланда Соннабанд кладет широкими мазками еловые ветви, лес на склоне реки, вязнущий в голубом снегу, все достойно, таинственно. Сказочная природа, взятая на раз, для короткого рассказа о любви; можно глядеть сквозь танцоров в этот синий ночной лес, представлять себя там, смотрящим оттуда на сцену, на зал, полный каких-то странных людей.

В конце первого акта всех развеселил Воспитатель (Уильям Таккет). По либретто он должен наклюкаться как супоросный свин и затеять гран-балет с дочерьми фрейлин, что он и делает, путая руки, хватая воздух и пребольно дергая девочек как негодных кукол, отчего они сразу же ему мстят, выставляя малюго на посмешище. Выходит, англичане знают толк в обаянии.

Каждый играет пусть маленькую, но очень меткую роль. Лакей, уже в потемках сцены роняющий с подноса снедь. Тот же Воспитатель, он почти на невидимом зрителю квадрате, пытается надеть пальтишко, еле стоя на ногах... И вправду кажется, что мы не смотрим, а подсматриваем настоящую сказку, рассказываемую невидимым гением в безвременье. Но главное будто ускользает... И еще этот Чайковский все успокаивает и успокаивает своей кукольной музыкой.

Страшна последняя сцена, когда принц Зигфрид с Одеттой бросаются с утеса (Инаки Урлезаса и Джейми Тэлпер). Страшно тем, что бросаются они как-то неожиданно и быстро, как если бы не поспевали за враз разошедшимся Чайковским. То танцевали, а то вдруг резко добежали и спрыгнули прочь. А все продолжается, но только без них.

Нет, этот Ковент Гарден умеет рассказать историю так, что, выйдя с представления, забудешь привычную дорогу к дому. Здесь своя дипломатия: вся постановка висит на точном ритме (а постановщик — Энтони Доуэлл), из-за чего некоторые зрители говорили после половины «Озера», что здесь не танцуют, а технично двигаются. Господа, но как раз-то высшее в балете — достичь превосходного ритма и перейти через него, как переходят звуковой барьер, а заметите ли вы это... Балет-то — это не привычные три измерения, просто англичане пытаются смягчить неотвратимое потрясение разными театральными штуками вроде пьяного танца, на то они и англичане. А вы просто заблудились в синем лесу.

Ян Смирницкий

